

АННА
ЛАПИНА

Майнвэй
РЕБЁНОК ОТ РЕКТОРА

ОТТЕНКИ ПРОШЛОГО

Анна Лапина
Тайный ребенок от
ректора. Оттенки прошлого

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68845242

SelfPub; 2023

Аннотация

Всего одна единственная ночь с незнакомцем закончилась для меня двумя полосками на тесте. Чтобы сохранить беременность мне пришлось отказаться от своей мечты – поступления в Академию искусств имени Громова. Но спустя несколько лет я вернулась к своей месте. Поступила в академию и встретила его. Отца своей дочери и по совместительству ректора академии, в которой мне предстоит учиться. Бежать или остаться? Поздно... Пути назад нет. Он уже нас заметил...

Анна Лапина

Тайный ребенок от

ректора. Оттенки прошлого

Глава 1

Вадим

– Вадим, чёрт возьми, тебе уже тридцать три года! – слышится на крик отец, стукнув по столу с такой силой, что в одно мгновение мне кажется, что он на две части разломался. Но бедный «старичок» уже явно привык к нашествию отца в мой кабинет. Стойко выдерживает редкое, но мощное избиение.

– А тебе пятьдесят шесть, – безразлично кидаю ему в ответ, откинувшись в кресле. – И что с того?

– В том-то и дело. Ты появился у меня, когда мне было двадцать три, – высчитывает с грозным видом, оправдывая свою должность финансового директора медиахолдинга и академии искусств. – И я даже в этом возрасте понимал, как важно заводить наследников. А ты и твои братья даже и не думаете о будущем нашей фамилии и рода! И...

– Я ещё не готов к детям, отец, – перебиваю его, прежде чем он успеет закончить и вновь обвинит нас в распутстве и безобразном образе жизни.

Всё как обычно. И ничего не меняется. Ему нужны на-

следники, и ты хоть об стенку разбейся, но сделай ему внука или внучку. А лучше сразу несколько, чтобы он мог выбрать достойного.

– А мне плевать, готов ты или нет! – выкрикивает он и вновь бьёт по столу, словно этот жест меня может напугать или заставить принять его требования.

Лёгкий холодок пробегает по спине, но не более. В остальном я полностью спокоен и расслаблен. У отца осталось примерно семь минут, потому как ровно через это время мне нужно будет спускаться и провести приветственную церемонию для первокурсников академии искусств.

Обычно это делал Егор, но пару дней назад на одной из вечеринок братец сорвал голос, и теперь тот вечно срывается в неподходящий момент.

– Вадим, я даю тебе ровно год, чтобы ты обзавёлся семьёй, – безапелляционно заявляет старик. – Можно даже без жены. Нам нужен наследник! Твои братья точно детьми никогда не обзаведутся со своим образом жизни. Так будь ты добр позаботиться о семье и о нашем наследии. Кому передавать всё в будущем? – обводит рукой мой кабинет.

Думает все так просто? Поздно отец давить стал. Ох... поздно! Теперь уже ничего не изменить.

– И где я тебе найду девушку? – задаю вопрос с плотно сжатыми губами, что говорит о том, что я на грани. Эти разговоры про возможных отпрысков осточертели. – Нормальную, чтобы детей от неё завести? Даже если и без жены по-

том жить, ребёнку всё равно гены хорошие нужны.

– Вот... – тянет он, успокоившись и словно поймав нить того, зачем пришёл сегодня в школу. – Сегодня вечером у нас с матерью будут Скворцовы. У них две дочери. Одной двадцать один. Второй двадцать семь уже. Приглядишься к девушкам. Хорошие кандидатуры.

– Скворцовы? – с сомнением переспрашиваю. – Это те самые, которым медведь на ухо наступил, а они нашу маму терроризировали, требуя занятий с ними?

– Девочки просто искали себя.

– Нет, отец! Извини! Не хотел бы я, чтобы у моих детей был их ужасный широкий и огромный нос, – кривлюсь, словно это имеет для меня значение.

В действительности я просто придираюсь, оттягивая неизбежное. Однажды отцу надоест всё, и он поставит нас с братьями перед условием: либо мы обеспечиваем фамилию наследниками, либо он лишит нас наследства.

– Тогда сам ищи! – восклицает, сжав губы в полосу, как и я недавно. Старик тоже на грани. Это у нас семейная привычка. – У тебя целая академия талантливых людей! Уж не поверю, что среди них не будет подходящей. Ищи!

– Я не сплю со студентками. Сам же запретил, – напоминаю ему одно из условий, которые он своей рукой прописал, подпуская нас с братьями к управлению академией искусств.

– Ищи выпускницу! – взмахивает руками с выражением лица, будто бы я сам должен был об этом догадаться. – За-

крутишь роман, и примерно к выпуску она родит тебе ребёнку.

А выпускница – это не студентка по его мнению? Ну уж нет! Спать со студентками, с замужними, с одинокими мамочками и с ненормальными – для меня табу.

– Как у тебя всё просто, – произношу и встаю, направившись к окну. Не хочу больше продолжать эту тему.

Я никогда не женюсь, а тем более не заведу детей. Мне и прошлой попытки хватило сполна. На всю жизнь желание обзаводиться семьёй пропало. А теперь уж и подавно не получится ничего.

Кидаю взгляд на спешащих в здание студентов и студенточек в коротких юбчонках. К моменту сдачи экзаменов, тестов и зачётов эти юбки станут ещё короче, но это мало им поможет. Преподавателей я выбирал по себе и с одинаковым табу. Никаких студенток, разве что выпускницы.

Кое-кого среди учащихся академии даже узнаю. Мои ученики. Будущие таланты страны. Но до этого им ещё пахать и пахать.

Взгляд цепляется за двух девушек, как и прочие, идущих к зданию академии. Такие же, как все, но кое-что в них отличает их от других. Блондинка в чёрном строгом костюме и брюнетка с черными как смоль волосами, в почти таком же, как у подруги, только белом костюме. Как Инь и Янь. Завораживает и притягивает взгляды.

Красиво. Они словно не идут, а плывут, а взгляды всех

направлены на них. Эти красавицы точно знают, как себя подать. С такими бы я закрутил что-то, но в то же время этим двум палец в рот не клади. Откусят и не подавятся даже.

Но вся красота и волшебство пропадают ровно в тот момент, когда блондинка вырывается вперёд, словно ругается с подругой и, не устояв на каблуках, падает на колени.

Короткий смешок сам по себе срывается с моих губ, но я тут же одёргиваю себя, чтобы не создавать у родителя лишних подозрений, что не слушаю его.

– Ты меня понял, Вадим?! – доносится за моей спиной голос отца, который и до этого что-то говорил, но я отвлёкся случайно. Нет, намеренно. Устал я от его разговоров про наследников.

Взгляд блондинки поднимается вверх, на мужчину, перед которым она упала. И я бы точно не хотел сейчас оказаться на месте этого бедолаги. Фурия невероятна зла и совсем скоро испепелит его.

Приглядевшись к парню, узнаю в нём своего младшего брата, занимающего уже два года должность декана в нашей академии.

Ну и поделом ему! Если бы не устроил гулянку пару дней назад в клубе и не сорвал бы голос, сидел бы сейчас в моём кабинете, а не на улице стоял. Сам виноват. Расплата пришла, откуда не ждали.

– Понял-понял, отец, – разворачиваюсь к родителю с полностью серьёзным выражением лица. – Будет тебе наслед-

ник, – кидаю ему, лишь бы отстал.

– Будет! – и вновь стук по столу. – Иначе всех вас с братьями лишу наследства, и этой академии в частности!

Глава 2

Милена

– Волнительно всё это, – произношу, обращаясь к подруге, спокойно шагающей на огромных каблуках рядом со мной.

Окидываю её задумчивым взглядом, завидуя её уверенности в себе и беззаботности, с которыми она идёт к главному корпусу академии.

Хотя, возможно, она просто уже свыклась со своей ролью студентки за столько лет обучения. Как-никак последний курс. Не то что я, которая через столько лет только поступить решила и в свои двадцать с хвостиком первокурсницей стала.

Смешно даже. И куда лезу?

Но учиться в этой частной академии искусств было моей мечтой примерно с седьмого класса. И отец об этом знал, поэтому и настоял, чтобы я вылезла из своей скорлупы и занялась собой.

– Они будут все такими юными и я, мать-одиночка двадцати с чем-то лет от роду, – продолжаю возмущаться и страхи свои описывать, – старушка в их коллективе. Один лишь смех! И позор!

– Расслабься ты, Лен, – Сара закатывает глаза и, почуяв

то, что я хочу сбежать, хватает за локоть.

Покрепче его зажимает и, ускорив шаг, ведёт меня к входу в академию, которая официально носит название «Академия искусств имени В. А. Громова».

– Не могу, – хнычу, оглядываясь по сторонам и следя за студентами.

Все молодые, красивые, активные, целеустремлённые и я совсем на них непохожа. За последние пять лет мои ценности значительно изменились. Жизнь круто повернулась совсем не в том направлении, которому я следовала раньше.

Ещё недавно я была такой же. Энергичной, сумасшедшей, горячей, жаждущей приключений. Творила то, за что отцу потом приходилось меня вытаскивать из обезьянника. Без конца слушала нотации родителей. Но в один момент всё изменилось, и моя жизнь оказалась разломана на две части. На «до» и «после».

И это «после» полная противоположность «до». Меня сломали, убили, разбили на мелкие частички, уничтожили, растерзали и раскромсали на лоскутки близкие люди.

Ненавижу эти чёртовы воспоминания. Ненавижу!

Теперь я другая. Теперь я новая. Взрослая. Сильная. И... Ай, ладно! Нормальная я. Просто драматизирую.

– Я тебе всегда говорила, что ты выглядишь моложе своих лет, – хмыкает подруга, погладив по предплечью подбадривая. – За свою сойдёшь. Да и вообще, расслабься! Наплюй ты на их мнение, красотка! Один твой писк – и твой отец всю

эту академию со всеми его преподами выкупит. Так что подбородок выше, грудь вперёд, спинка прямая, попку чуточку назад, и ты у меня сногшибательная БОГИНЯ!

– Тсс! – дёргаю её за руку, зашипев на неё. – Молчи! Я не хочу, чтобы кто-то узнал о том, чья я дочь.

– Твоя фамилия у всех на слуху, Милена! Ты думаешь, никто не узнает? – с сомнением уточняет Сара Картотьян, мой верный товарищ класса с седьмого. С того самого дня, когда она перевелась ко мне в школу и села со мной за одну парту.

– Я буду говорить, что однофамильцы. Не хочу, чтобы они узнали и относились ко мне, как, – закусываю губу, расписывая план, который в своей голове построила. – Как, собственно, везде. Заискивают, надеясь на то, что папа в них бабло зальёт. Хочу сама добиться успехов.

– Ладно-ладно, – закатывает глаза, но меня понимает. У самой отец врач, и через Сару всегда пытаются к нему без очереди записаться. – И кстати, о возрасте, подруга! – загорается брюнетка, взглянув на компанию взрослых мужчин. – Наш с тобой возраст позволяет преподам кадрить и получать от них ответки. К мелким они не лезут. Точнее, лезут, но редко. В общем, – прикусывает язык. – О чём я? Ах, точно! В общем, тебе повезло больше всех, кто здесь учится. Ты взрослая, и у первокурсников пары ведут самый горячие и молодые препода. Так что хватай любого, который понравится.

– Сара! – восклицаю, окинув её осуждающим и недовольным взглядом. – Ты же знаешь, что я не могу себе позволить сейчас отношения. У меня...

– Да-да, у тебя, – цокает языком, как делает каждый раз, стоит нам заговорить про отношения. – Ты подалась в монашки после рождения дочери. Я помню. Никаких отношений. Никаких развлечений. Никакого веселья. Никаких эмоций. Только ребёнок и дом.

– Мужчины мне неинтересны, – обиженно произношу, ускорив шаг от злости на неё. У меня это всегда инстинктивно выходит. Даже не замечаю. – Они все эгоистичные, самовлюблённые и думают только о том, как бы тебя в кровать затащить.

– А потом твою... – начинает Сара со смехом, но вмиг затыкается.

– Заткнись! – бросаю колкий взгляд в подругу, резко развернувшись к ней. Не устояв на ногах от столь резкого поворота, сиюминутно падаю в не очень приличную позу на колени.

Острая боль тут же пронзает ладони и коленные чашечки. Благо, ткань брюк смягчает удар, и, возможно, мне удастся выбраться из этой ситуации без кровавых потерь. Уж этого мне точно не нужно. Папа впервые отпустил меня из дому без своих людей, и если он узнает о том, что я поранилась, то наша сделка с ним будет расторгнута.

Но в одном я уверена точно. На чёрной ткани следы гря-

зи будут малозаметны. И мне удастся проشمыгнуть в дом и сразу не спалиться.

Можно, конечно, вернуться в машину и переодеться, чтобы и на фотографиях выглядеть опрятно, но церемония для первокурсников уже буквально через пять минут. И я не могу её пропустить. Я мечтала о ней со своих четырнадцати.

– Ого, – тянет мужской голос над моей головой. – Бывало, конечно, что у меня просили зачёт таким образом принять. Но обычно это происходит не в первый учебный день, – прыскает он от смеха, и я поднимаю на него полный ярости и желания убить взгляд.

– Что ты сказал?!

Глава 3

Милена

– Что ты сказал?! – грозным низким голосом переспрашиваю мужчину. И плевать мне в этот момент на его статус, возраст, положение и тому подобное. Как говорит мой папа: мужчина в неловкой ситуации должен помочь женщине, а не насмеяться над ней. Так поступают лишь невоспитанные невежи, которым не привили с детства любовь и уважение к слабому полу.

– Говорю, вам помочь? – исправляется мужчина и протягивает мне руку, подмигнув и подарив улыбку. Двое мужчин и женщина, стоящие с ним всего пару секунд назад, прощаются с ним и уходят, оставляя меня, его и Сару наедине.

– Спасибо, но я как-нибудь сама, – отвечаю ему и назло

всем самостоятельно поднимаюсь на ноги. Подруга, конечно же, хочет помочь, но не даю ей и шага сделать. Не хочу, чтобы этот невоспитанный хам тешил своё самолюбие за мой счёт.

Кидаю взгляд на свои многотрадальные колени, мысленно чертыхаясь и проклиная ту минуту, когда решила свои балетки на высоченные каблукы сменить.

Такие следы на брюках точно не скроешь, потому что их практически и нет. Вместо них – некрасиво разорванная ткань. И это, безусловно, не назовёшь модными порезами, которые сейчас носит почти вся молодёжь.

– Н-да, – задумчиво тянет мужчина, глядя на мой внешний вид. – Беда, однако. Какой курс? Лекция сейчас у кого?

– Первый курс, – расстроено отвечаю и оглядываюсь на Сару.

Чего она стоит как в воду опущенная и молчит? Почему я одна отдуваюсь? Где её привычный боевой дух, которым она всех с ног сшибает? Или хотя бы острый язычок?

– О-о-о, так у тебя церемония сейчас, – неожиданно радостно отмечает хам, хлопнув в ладони и потеряв их одну о другую. – Отлично. Пошли тогда!

– Куда? – делаю шаг назад от этого ненормального человека, который решил меня куда-то утащить. И даже разрешения моего не спросил. Приказным тоном сказал, что я за ним идти должна. Ни за чем, ни почему, ни почему с ним, а просто «Пошли!»

Как же я не люблю таких людей. Бестактных, грубых, невоспитанных и... И вообще мужчин. Они все думают, раз ты девушка, то должна их слушать. Чёрта с два.

Со мной такие фокусы не проканают. Во-первых, у меня был нормальный отец, и он научил меня тому, что мужчина должен уважать девушку и её желания. А во-вторых, я могу себе позволить послать кого угодно. Даже какого-то преподавателя, судя по папке в его руке. А в-третьих, люблю мужчин обламывать.

– Есть здесь, в академии, одно место, – тем временем отвечает он, – которое поможет твоё недоразумение исправить. Ничего такого, – разводит руками в стороны, но по его взгляду я понимаю, что «ничего такого» значит очень много «чего такого».

– Егор Данилович, оставьте её. У неё в машине есть во что переодеться, – спасает меня Сара, схватив за руку и к себе придвинув. Ну, слава богу, активизировалась, а то я уже решила, что она покинула этот мир и находится в прострации. – Мы сами. Быстро сейчас.

– Картотьян, до первой пары осталось четыре минуты, – произносит мужчина, взглянув на часы. – А ну, марш в академию! Быстренько давай своими длинными ножками по коридорам и на пару! – командует и ею, изображая двумя пальцами человеческие ножки и с какой скоростью подруга должна ими передвигать.

– Ну, Егор Данилович, – не узнаю я голоса своей подруги.

Чересчур мягкий и податливый. – Ну это же моя подруга! Я не могу её бросить.

– Как ты её можешь бросить, если даже не держишь, – хмыкает этот Егор Данилович. – Вон как штаны себе испортила. Марш на пары! Иначе лично тебе выговор в личное дело внесу. А ты ведь знаешь, что ещё одно замечание и полетишь ты отсюда.

Девушка закатывает глаза и подходит ко мне, чтобы отдать сумку, которую я выронила во время падения, а она подобрала.

– Ненавижу его, – шепчет мне Сара на ухо, пока делает вид, что целует в щёку на прощание. – Его все «деканом на одну ночь» называют. Будь с ним аккуратна. Он точно подкатывать будет. Красная карточка, Лен. Нельзя! Не твой вариант.

– Карготьян, я сказал, живо! – прерывает нас Егор Данилович, и Сара, сжав зубы до скрежета, покидает меня. – Пойдёмте, – протягивает он мне руку, но я, проигнорировав её, подхожу к нему и взглядом показываю, что готова идти.

Пусть даже и не надеется на то, что буду благосклонна к нему. Пусть ведёт, куда хочет, но не более. В случае чего отпор дать смогу, ведь за последние пять лет много времени проводила с охраной отца, и те порой учили меня самозащите. Это не очень нравилось папе, но он давал мне волю, зная, что девушке это может пригодиться в будущем.

Вместе с «деканом на одну ночь» захожу в академию и

рядом с ним шествую по широким коридорам, ловя на себе любопытные взгляды. Чем именно обусловлен их интерес, догадаться сложно. То ли всё дело в брюках, то ли в том, что я иду именно с Егором Даниловичем, у которого репутация того ещё соблазнителя.

– Чего грустная? – интересуется он, открывая для меня дверь дальней аудитории. Пропускает вперёд, после заходит сам, прикрывая за нами дверь.

– На церемонию хотела, – признаюсь без прикрас, оглядываясь вокруг. Какой-то кабинет «кройки и шитья», судя по швейным машинам на столах. – А она уже началась, – поворачиваюсь к нему.

– Ой, да ладно, – кидает, взмахнув рукой и пройдя за преподавательский стол. – Хочешь, прочту тебе её наизусть? Будет у тебя личная церемония, Анастейша.

– Анастейша? – повторяю за ним, и он, коротко хохотнув, мотает головой, мол, ничего такого. Забудь. – Наизусть? – цепляюсь за другое слово, забив на то, что первый вопрос он просто-напросто проигнорировал.

Чудик.

– Ага, – вздыхает мужчина, открывая ящик преподавательского стола и доставая оттуда небольшую железную коробку. – Я торжественную речь почти каждый год здесь толкаю. И в этом должен был, но сорвал немного голос. Поэтому меня отстранили и заменили другим оратором.

– Правда? – заинтересованно подхожу к нему и сажусь на

край стола. – А разве не Громовы, владельцы академии, её читают? Я много читала об этом, и Сара рассказывала, что Громовы. Она даже видела одного лично. И... – вовремя за-тыкаюсь, чуть не выдав того, что подруга в одного из Громовых втюрилась.

– Разрешите представиться Громов Егор Данилович, – театрално изображает наподобие книксена, сидя на стуле. – Младший из сыновей Громовых. И их главная головная боль.

– Ого! – складываю губы буквой «О» и спрыгиваю со стола. – Извините! Я не знала! И...

– Выдыхай, девочка, – произносит, и его голос и правда срывается, издав скрип под конец. Прокашлявшись, мужчина вновь заговаривает: – Прости. Вот поэтому речь и отдала брату, – произносит и, встав, идёт в другой конец аудитории.

– Я Милена! – представляюсь, направившись за ним. – И для меня большая честь познакомиться с внуком самого Громова! У нас дома висит одна из его последних весенних работ. Я поклонница творчества вашего дедушки! И эта встреча, – тараторю, не зная, как иначе свои эмоции одолеть. – Просто чудо! Я восхищена! У меня нет слов!

– Правда? Поклонница? Моего деда? Это даже хорошо, – поворачивается ко мне, поигрывая бровями и, открыв дверь в стороннее помещение, предоставляет моему вниманию небольшую комнатку с кроватью. – Тогда раздевайся, Милена.

– Чего?!

Глава 4

Милена

– Раздевайся, говорю, – повторяет, указав на комнату. – Там вон ткань на кровати лежит. Ею прикройся и мне брюки отдай.

– З-зачем? – уточняю, а то мало ли. А вдруг он фетишист какой-то.

– Подрежу их сейчас и край обработаю заодно. Будут у тебя шорты. Так сейчас вроде тоже модно. Давай, Миленочка, попкой двигай. У меня тоже времени немного, – хлопает меня по мягкому месту, подгоняя к кровати. – И давай скорее. Я тебя за дверью подожду.

– Ага, – всё же соглашаюсь, хоть и выглядит это подозрительно. Да и вообще вся эта ситуация выглядит донельзя странно, неправдоподобно и подозрительно. Стал бы мало-знакомый мужчина, а тем более преподаватель, звать тебя в аудиторию, где никого нет. Приказать раздеться, а потом всё это шлифануть тем, что якобы зашьёт.

Сам? Мужчина? Будет шить? Или швейные машинки сами шьют?

Дожидаюсь, пока Егор Данилович закрывает дверь, и, подойдя, запираю её ещё и на защёлку. Благо она здесь есть и открывается лишь с моей стороны.

Снимаю пиджак, оставаясь в белом топике. Стягиваю брюки, быстро прикрывшись тканью. К счастью, мне везёт, она непыльная и даже не воняет. Наоборот, пахнет каким-то

вкусным ополаскивателем, словно только что стирания.

Вешаю брюки на руку и спешу на выход, помня слова мужчины о том, что у него тоже времени немного. И уже собираюсь выйти, когда понимаю, что там, за дверью, Громов теперь не один.

– Олух, – произносит какой-то мужчина в возрасте. – Мало того что голос сорвал, так ещё и рядом с братом сейчас на сцене не стоишь.

– У меня появились дела, – отвечает Громов в свободной манере. Такой, какой в общении со мной даже намёка не дал. – Потом присоединюсь. Да и что изменится от моего присутствия? Вадим что, публики боится? А я ему уверенности прибавляю? Бать, что такого? Дай хоть разок пофилонить.

– И что у тебя за дела? Здесь? – обращается Громов-старший к своему сыну. – В этом крыле? Это даже не аудитория твоего факультета.

– Кройкой и шитьём занимаюсь, – прыскает младший внук великого художника Громова, в честь которого и была создана эта академия.

– Смотри, не перекройсь, – явно недовольно произносит мужчина и повисает недолгая пауза. – Серьёзно что или так, на одну ночь? – шокирует меня неожиданным вопросом.

– Всё серьёзно, бать, – отвечает Егор Данилович. – Блондинка, как маман. Голубые глаза, красивая. Фигурка – огонь. Таз хороший. Родит без проблем. Молодая, значит, не одно-

го наследника тебе подарит. Всё продумано. Статная такая. Породистая.

– Р-родит? – шепчу, заикаясь, понимая, что он обо мне.

Он там что... меня своему отцу описывает? И описывает в качестве кого? Женщины, что будет для Громовых рожать наследников?

Да он там с ума сошёл?! У него совсем крыша поехала?!

– Сейчас ей помогу, и она в моих руках, – тем временем продолжает Громов-младший. – Ты же знаешь, что они принцев все ищут. Вот стану таким для неё и дело в шляпе.

– Смотри мне, Егор! Одна надежда на тебя, – заговаривает Данил Громов, отец семейства. – Твои братья... даже и не думают о наследниках! Всё на тебе! Одна в тебя вера, сынок!

– Помню, отец! Помню! – отвечаем ему сын серьёзным тоном, словно они мир спасти решили, и только Егор Данилович может это сделать. – А ключи от тачки-то вернёшь? И счета все разблокируешь?

– Как только получу справку о беременности – всё сделаю, – бросает он, а после раздаётся дверной хлопок, оповещающий о том, что Громов-старший покинул нас.

Делаю пару шагов назад и достаю телефон. Разблокирую его и пишу Саре короткое: SOS. Пусть спасает. Не хочу я быть той самой с хорошим тазом, которая ищет принца и ради своего станет инкубатором для будущих наследников Громовых.

Уж извольте!

– Милена, вы переоделись? – интересуется Егор Данилович, постучав в дверь.

– Да! Бегу! – кричу ему, получив от подружки сообщение, что она постарается быть как можно скорее, но препод у неё сейчас зверь и не отпустит так скоро после начала пары.

Пользуясь нашей дружбой, пишу ей, что ситуация с кодом «красный», означающая угрозу жизни. Пусть что хочет делает, но мне нужно выбирать. А из этой академии я сама не выберусь. Мы и так пока шли сюда с Егором Даниловичем, я думала, мы кругами вокруг одной и той же колонны ходим.

Мысленно чертыхаюсь и проклиная себя за то, что вообще пошла с этим Громовым. Но одно хорошо – приставать он не будет открыто. Им же с отцом наследник нужен. А для этого мать, которая будет готова поделиться своим ребёнком. Значит, будет аккуратен со мной и попытается быть вежливым и терпеливым. А я ему дам понять, что между нами ничего быть не может.

Всё продумано. Главное, чтобы ситуация не вышла из-под контроля, прежде чем Сара придёт сюда и спасёт меня.

Цепляю на лицо улыбку и выхожу из комнатушки с кроватью.

– Вот, – протягиваю ему брюки.

– Отлично! – тянет и, забрав их из моих рук, проходит к ближайшему столу со швейной машинкой. Что-то там измеряет, сверяет с какими-то рисунками, прикидывает. Шаманит и повергает меня в шок.

Нет, ну я знала, что некоторые мужчины умеют шить, но я думала, это обычные мужчины, которым это нужно в жизни, а не такие, как Громов.

– А вы умеете шить? И машинкой пользоваться? – спрашиваю, чтобы заполнить тишину хоть чем-то.

– А ты нет?

– Не-а, – мотаю головой. – У нас если что-то рвётся, то мы выкидываем. А если пуговица отрывается, то её в ателье пришивают. Я даже иголки никогда не видела, – отчего-то делюсь подробностями.

– Расточительство, – бросает, не отвлекаясь от дела. – Нас мать всегда учила всему, что может пригодиться в жизни. А я ещё был тем, кто вечно всё рвёт. Поэтому шитьё было моим каждодневным занятием в качестве наказания. Особо этим не увлекаюсь сейчас, но по мелочи могу, – поднимает на меня улыбчивый взгляд. – Повезло тебе, Милена.

– Ага, – киваю.

Дважды повезло. И брюки спасём. И матерью его детей станем.

– Ну вот, – указывает длину. – По твоему росту будет в самый раз. Я бы на тебе наживил, но немного не подумал сразу это сделать. А бегать тебя туда-сюда не хочу заставлять. Тем более у меня дела. Надо на сцену идти.

– Режьте, – даю ему ножницы.

Чем быстрее он всё сделает, тем быстрее мы отсюда уйдём и присоединимся к людям. А уж там я сбегу.

– Режу, – бросает и ловко отрезает лишнюю ткань.

После чего минут десять, а то и больше, смётывает ткань, а потом обрабатывает срезы и строчит новые края брюк. Я же сижу рядом и пытаюсь понять, как это всё работает и почему получаются такие красивые и разные швы из одной и той же машинки. Она ведь одинаково иглой двигает, а шов разный.

Что за магия?

И ведь Громов ничего такого не делает. Только руками ткань тянет под иглой и кнопочки нажимает.

– Готово! – отдаёт мне брюки, выключая машинку. – Быстро переодевайся и, может, успеем на конец церемонии. Там как раз самое интересное и весёлое обычно происходит. Прощание и приглашение выпить в местном кафе, – подмигивает, но меня этот «конец» не интересует. Только знать ему об этом не обязательно.

– Ага! – киваю и спешу переодеться.

Натягиваю шорты, надеваю пиджак и возвращаюсь к мужчине.

– Ну как? – показываю ему свой новый образ. – Даже и не скажешь, что раньше были брюками, если честно! И к пиджаку так идут! И к босоножкам. У вас талант, Егор Данилович.

– Если бы, – хмыкает. – Ну так что? Пойдём? – указывает рукой на выход из аудитории, и я, подхватив сумочку, направляюсь туда.

– Милена, а вы не хотели бы меня отблагодарить? – муж-

чина появляется сзади и приобнимает меня за талию. – За чашечкой кофе, например? Я получше тебя с творчеством дедушки познакомлю. Расскажу то, чего нет ни в одной биографии, – многозначительно поигрывает бровями, и я уже готовлюсь его послать, когда дверь кабинета распахивается и в аудиторию влетает запыхавшаяся Сара.

– А ну, руки от неё убрал! – выкрикивает и бьёт его сумкой по голове, чуть не задев меня. И не убив.

Рука Егора Даниловича на моей талии ослабевает, и мужчина падает на пол с ощутимым грохотом.

Округляю глаза и испуганно перевожу взгляд с мужчины на подругу.

Глава 5

– Ты чего?! – шиплю на неё.

– Я не знаю, – также испуганно произносит, глядя на безжизненное тело. – Ты же сама написала, что ситуация «красный». Я думала, он тебя изнасиловать решил. И... вот я... пришла как смогла.

– Но по голове-то зачем? – пишу, руками прикрыв рот, чтобы не закричать.

– Папа говорит, что это самое слабое место, – виновато пожимает плечами, прижав орудие преступления, а точнее, сумку, к себе. – Если хорошо ударить, то можно отключить человека. Вот я и подумала, что... по голове ударю. Увидела его, и тут ты. И я его...

– Что там у тебя, – киваю подбородком на сумку. – Гиря?

– Учебники получила. Лена, у него кровь! – восклицает, завизжав от ужаса. – Из носа. Что делать?! Он истекает кровью! Он умирает?!

– Кровь? – переспрашиваю и оглядываюсь на Громова, по-прежнему лежащего на полу. – Твою мать! Сара, дверь закрой, чтобы никто нас не увидел, – командую и падаю перед несостоявшимся отцом моих детей на колени.

– Что делать?! – в панике интересуется подруга, стоя над нами и наблюдая за моими действиями. – Я его убила, да?! Убила? Он мёртв?

– Да жив вроде, – произношу, нащупав пульс. – Так, Сара, вспоминай, что говорил папа. Что делать при обмороке?

– Не дать головой ударится? – бросает и вопросительно смотрит на меня.

– Поздно. Он уже пережил два удара.

– Ноги выше поставить, – кидает, и я, подтянув ближайший стул, кладу на него ноги мужчины. То и дело проверяю его пульс, чтобы не отключился.

– Вызывай пока скорую, – прошу её. – Скажем, что горшок упал на голову, – озвучиваю ей официальную версию случившегося.

Встав, сбрасываю один горшок на пол. Ломаю подставку, словно из-за неё упал цветок. И, взяв немного земли, обмазываю голову Егора Даниловича ею. Для алиби. Горшок ведь на голову упал. Следы остаться должны.

Я точно в маму пошла! Такая же хладнокровная, что даже

в одном помещении с возможным трупом мыслю здраво. И придумываю алиби!

– Ага, – кивает Сара и быстро звонит в скорую. После чего отключается. – Они сказали ему воздуха больше дать. Так он быстрее в себя придёт, – озвучивает указание врачей.

– Тогда я окно открою, а ты ему книгой воздух делай, – говорю, и она кивает.

Поднимаюсь и лечу к окну. Тянусь к ручке и дёргаю её на себя, когда до меня доходит оглушительный грохот и звук, словно что-то ломается.

Испуганно оборачиваюсь и вижу застывшую от ужаса Сару, Егора Даниловича на полу. И швейную машину на его ноге. И сумку моей «везучей» подруги на месте, где всего минуту назад машинка стояла.

– Сара! – шиплю и подлетаю к Громову. – Твою мать! Что ты сделала?! Решила добить?!

– Я не хотела, – шепчет она со слезами на глазах.

Аккуратно поднимаю машинку и скатываю её в сторону, с ужасом понимая, что дело дрянь. Дело – просто ужас из всех возможных ужасов.

– У него перелом, – произношу, не поднимая взгляда на подругу. – Звони отцу! Что нам делать?

– Перелом?! – истерически пищит.

– Ясно, – выхватываю из её рук телефон и быстро набираю её отца. Благо пароль от телефона Сары я знаю. – Дмитрий Александрович, – приветствую мужчину, когда он труб-

ку поднимает. – Без лишних слов и сразу к делу. Перед нами лежит человек без сознания. Пока вроде как живой. У него кровь из носу пошла от... горшок на голову упал, – смотрю на этот самый «везучий горшок». – И потом ему швейная машинка на ногу упала. Кажется, перелом. Что делать?

– Так! Для начала скорую вызывай, – напряжённо отвечает, и я оповещаю его, что уже сделано. – Далее. Никак его не передвигайте и не трогайте. Разрежьте ткань и проверьте, нет ли кровотечения.

– Ага! – хватаю ножницы и бессовестно разрезаю дорожные брюки. – Крови вроде нет. Но нога какая-то кривая, дядя Дима. Неестественно кривая.

– Ясно. Так! Дальше... Дальше ждите скорую. Я ничего сейчас сделать не могу. Шину вам не могу доверить наложить. Куда скорую вызвали?

– В академию.

– Ясно! Сейчас позвоню в диспетчерскую и скажу, чтобы поторопились. Или своих из клиники быстрее пришлю, а ваш вызов отменю, – деловито оповещает меня.

– Спасибо, – бросаю ему. – А нам что делать?

– Ничего не делать, – вздыхает и рычит на том конце, будто себя успокоить пытается. – А теперь вопрос: не моя ли Сара это натворила?

– Нет! Ну что вы! Сара тут ни при чём, – тяну, глядя на плачущую подругу. – Ладно, Дмитрий Александрович. У нас дела. Важные, – и сбрасываю звонок.

– Он меня убьёт! Я убила человека!

– Да жив он! Жив! – успокаиваю её и беру обе наши сумки. – А теперь, Сара, валим отсюда! Быстро!

– А как же он? – спрашивает, указывая на мужчину, которого чуть не убила, но боюсь, если она ещё на минуту задержится рядом с ним, то дело завершит.

– Всё с ним будет хорошо! – уверяю её.

Будет, если тебя рядом с ним не будет.

– Нас отчислят за такое! – надувает губу, забирая у меня свою сумку. – Он же Громов! Нас отчислят! Меня точно!

– Не бойсь, – кидаю ей. – Мой папа, если что, академию эту купит и тебя вернёт. Сама же сказала, что он может, – быстрым шагом веду её на выход из академии.

Достигаем пункта охраны, и я заговариваю с женщиной и мужчиной, сидящих там.

– Там в аудитории кройки и шитья мужик какой-то валяется, – произношу и вместе с Сарой выскакиваю из здания.

В случае чего ему горшок на голову упал, а он, когда падал, швейную машинку зацепил. И сам во всём виноват. Это не мы! Никто не докажет, что это мы причастны.

Если что, папа отмажет!

– Я его убила! Я его убила! Я его убила, – не унимается подруга, качаясь на переднем пассажирском сиденье моей машины. – Меня посадят. За нанесение тяжёлых увечий или за убийство. Меня посадят. Меня отчислят. Громовы меня в порошок сотрут. Мне капец!

Мне тоже...

Глава 6

Милена

– Так, – впервые заговариваю за время всего пути. – Ты тихо сиди в машине, – раздаю указание заплаканной подруге, которая, в отличие от меня, не затыкалась ни на минуту. – Я сейчас в аптеку и приду.

– Зачем в аптеку? – испуганно задаёт вопрос. – Я и тебя покалечила?

– Успокоительное тебе куплю и воды, – отвечаю ей, отчасти понимая её панику и страхи, но с другой стороны, не понимая её слёз. Сейчас надо думать, как ситуацию спасти, а не сопли распускать. Да и девчонке уже двадцать четыре. Надо быть серьёзнее, в конце концов. – Я не могу на тебя такую смотреть. Успокойся! Он живой! От перелома ещё никто не умирал. Полежит немного в больничке и всё. Ничего такого! Отдых себе устроит.

– Меня посадят, – заявляет уверенно. – За умышленное нанесение телесных повреждений. Папа меня точно тогда убьёт. Дочь медика и людей калечит! Репутацию ему всю портит!

Хотя мне, если честно, кажется, что это Сара о репутации беспокоится, а её отцу на неё совершенно наплевать. Он жизни спасти должен, а не думать о том, что о нём другие говорят.

Мой папа лично такого мнения и дядя Дима на него по-

ХОЖ.

– За что? – с вызовом спрашиваю свою бедовую подругу. – У него нет доказательств того, что это сделали мы, – вообще-то есть и куча, но папа с этим в случае чего разберётся. – И вообще, мы ему первую медицинскую помощь оказали? Оказали. Скорую вызвали? Вызвали! Охрану ему на помощь послали? Послали! Какие ещё проблемы?

– Он отчислит нас! И меня ещё и посадит! Он может! Ты знаешь, какие связи у его семьи?

– Всё будет хорошо, Сара! Я не дам тебя в обиду! Папа, если что, решит эту проблему, – в который раз успокаиваю её. – Ты что, первый день с ним знакома? Мой папа, если нужно, всё здесь перевернёт, но тебя ещё и похвалят за то, что Егору Даниловичу ногу сломала!

Это как раз в стиле папы. Он у меня вообще спокойный, добрый, за честность и порядок, но если дело касается тех, кто ему дорог или дорог мне, то забывает о своём хорошем «Я» и включает свою противоположность.

Помню, мне раньше часто от него прилетало за мои проделки. И я была прекрасно знакома с суровым, злым и недовольным папочкой. Но стоило повзрослеть, и я стала его понимать. Просто я ещё той оторвой была и папа даже мягко со мной обходился. Наказывал, отбирая карманные деньги, блокируя карты, запрещал прогулки с друзьями. А я бы на его месте в закрытый пансион отправила бы меня, где нельзя было бы ничего, кроме как учиться.

– Может, сейчас ему позвоним и попросим помочь? – предлагает подруга с надеждой.

– Не хочу его пока вмешивать, – честно признаюсь. – Если ситуация выйдет из-под контроля, то обязательно обращусь, но сейчас я надеюсь, что всё обойдётся.

Вот почему-то мне кажется, что Егор Данилович проблем нам создавать не будет. Может, конечно, поорать и сказать, что мы дуры, но отчислять, а тем более сажать не будет.

Не знаю, почему так решила, но он создаёт образ такого раздолбая, добряка и бабника. А такие в крысу не играют.

– Ты не знаешь Громовых так, как их знаю я, – бросает Сара расстроено.

– Всё будет хорошо, – обещаю ей и выскакиваю из машины, прежде чем она вновь плакать начнёт.

Перехожу дорогу и иду в сторону продуктового магазина. Там аптека у кассы есть. Но, взглянув ещё раз на подругу, понимаю, что простым успокоительным здесь не обойдётся. Надо что-то крепче и быстрее.

Вздыхаю и вхожу в магазин. Иду вдоль рядов в поисках нужного отдела, отмечая, что давно сама не ходила за покупками. Обычно мы с Зинаидой, так звали мою няню, а в последующем помощницу по дому, вместе продукты через доставку заказывали. А всю молочную продукцию, мясную и овощную нам один фермер из пригорода сам лично домой привозит.

– Да, папуль, – отвечаю на вызов, найдя интересующее. –

Что-то случилось?

– Нет, у нас всё хорошо, – тянет родитель, а на фоне звучат мультики про принцесс. – Я Алёне фруктиков нарезал, и мы играем в салон красоты. А ты как? Как первый день в академии? Церемония уже закончилась ведь? Я вовремя позвонил?

– Закончилась, – произношу, выбирая, что именно взять для успокоения Сары. – День прошёл... я бы сказала... неизбежаемо. Долго помнить это буду.

– Ну, я рад! Уже едешь домой?

– Да, насчёт этого, – поджимаю губы, не зная, как отпротиться у него. Нет, он будет не против, если я расслаблюсь немного, но ведь у него планы есть. – Пап, а ты можешь ещё немного с Алёной посидеть? Мы с Сарой решили отметить первый день. И... А при Алёнке мне как-то неловко.

– Могу, но... – соглашается, но в его голосе звучит явная неловкость. – Как же не вовремя Зинаида от нас ушла.

– У неё уже возраст не тот, чтобы за Алёной следить. Почитай она меня вырастила и с Алёной мне помогла, – отмечаю, и отец со вздохом соглашается. – Папуль, ты не переживай! Я к шести вернусь. Я помню, что ты приглашён на мероприятие.

– Тогда хорошо! Отдыхай! И всё, пока, Милена! У меня запись на ноготки в салоне, – прощается сразу же после слов моей малышки, что сейчас она будет делать ему маникюр.

Моя девочка! Звёздочка! Модница! Принцесска!

– Спасибо, – кидаю и отключаюсь.

Пробиваю покупки и с бумажным пакетом выхожу из магазина, надеясь на то, что у Сары хоть немного спала истерика. И до её дома мы доедем спокойно.

Аккуратно, на по-прежнему высоких каблуках, спускаясь по ступенькам. Кидаю взгляд в сторону бордюра, около которого припарковала машину, чтобы проверить ситуацию, и понимаю, что машины там нет.

Страх за подругу и детку, которую мне папа только неделю назад подарил в честь учебного года, накрывает с неистовой силой.

Оказавшись внизу, начинаю глазами бегать вокруг в поисках хоть кого-то.

Ладно, тачка! Но Сара должна была где-то остаться! Или мою детку угнали, а подругу взяли в заложники? И, судя по везучести Сары, такое произойти могло.

Несколько минут, за которые, мне кажется, вся моя жизнь пролетает у меня перед глазами, продолжаю поиски. И к своему счастью, узнаю передний бампер своей детки, торчащий из-за поворота.

Наверное, там, где я припарковалась, парковка была запрещена, хотя такого знака я там не увидела. И чтобы я не получила штраф, Сара решила перепарковаться.

Медленными шагами подхожу к машине, но, взглянув в салон, понимаю, что нашла всего одну пропажу. Сары в ней нет.

– О господи! Твою мать! – восклицаю уже от своей личной везучести. – Сара?! Где ты?! – причитаю и уже достаю телефон, чтобы её набрать.

– Псс! – звучит со стороны багажника. – Псс!

– Сара? – вопросительно уточняю, и девушка приподнимается с таким же заплаканным, но испуганным взглядом. – Ты что там делаешь? – шиплю на неё.

– Там полиция ехала. И мне показалось, что они за мной. И за нами вообще следили всё это время. Я решила перепарковаться и убрать машину с видного места, – рассказывает она сбивчиво и по-прежнему паникуя.

– А-а-а, поняла, – кидаю параноику. – Вылезай и поехали! Отвезу тебя домой и буду успокаивать, – демонстрирую пакет со своими покупками.

– Не могу, – мотает головой и кидает взгляд куда-то себе под ноги. Виновато возвращает его на меня, и её взгляд не обещает мне ничего весёлого. – Тут такое дело... Я, когда парковалась, была не в себе и...

Разбила мою машину? Да? Скажите, что да! Если так, то ладно! Починить можно! Пусть скажет, что детка пострадала! Только машина и никто больше!

– Я, правда, не заметила, – тянет и начинает плакать. – Он сам выскочил! Я не хотела! Правда, не хотела!

Твою мать! Только не это! Одного несчастья на сегодня не хватило?

Глава 7

Милена

Обхожу машину, искренне надеясь на то, что там котик или собачка. Мы отвезём её в клинику, оплатим лечение и забудем.

Но нет! На асфальте рядом с багажником моей детки сидит худенький, заросший и пожилой дедушка в потрёпанной одежде. Благо сидит, а не лежит, как Громов совсем недавно.

И искренне надеюсь, что у него такая была одежда, а не из-за аварии и падения она такой стала.

– Сара... – шиплю на неё, скуля от произошедшего. – Как так?! – спрашиваю сквозь зубы.

– Да я сам, – отмахивается дедушка, кривясь от боли. – Считал, сколько у меня копеек, и попал под машину, – указывает рукой в сторону рассыпанных монет.

– Он сам. Видишь, – сглатывает подруга. – Не я одна. Я не видела! Он просто шёл, а я ехала и...

– Ничего не болит? – обращаюсь к пострадавшему, присев рядом с ним на корточки. По обдавшему меня характерному амбре понимаю, что передо мной бездомный. – Всё цело? – спрашиваю, а взгляд цепляется за грязные руки, слегка в крови.

– Да вроде нормально, – пожимает плечами и кидает сочувственный взгляд на Сару. Он будто не винит её, а, наоборот, поддержать хочет. Сказать, что ничего страшного и не надо плакать. – Рука только когда двигаю, стреляет болью. И бедро. Оно весь удар приняло от машины. Но не знаю. Ушиб

у меня, девочка. Бывает.

– Ясно, – поджимаю губы и достаю кошелёк. Вынимаю пару купюр и протягиваю их мужчине. – Это вам! Мы вас сейчас в больницу отвезём. Там посмотрят, и я вам ещё дам.

– Да не надо! Кто со мной возиться будет? – прыскает и, оперевшись на здоровую руку, пытается встать. – Заживёт! И не такое бывало. На мне всё как на собаке заживает.

– Деньги-то возьмите, – протягиваю купюры, пойдя за ним следом. – Здесь на обезболивающее и мази хватит. И ещё останется. Моральная компенсация.

– Нет, – мотает головой. – Не надо! Девочка не специально! Видно же по ней, что сама не своя, – инстинктивно пытается взмахнуть рукой, но выбирает не ту руку и тут же начинает шипеть от боли. – Ой! С-с-собака!

– Ясно, – поджимаю губы, обернувшись на свою детку. – Садитесь в машину! Я вас в больницу отвезу! И лишь когда мне скажут, что с вами всё в порядке, я от вас отстану. Видно же, что-то не так.

– Да никто возиться не будет, – говорит, а самого перекосило от боли.

– Возьмётся, – важно заявляю и открываю заднюю дверь своей машины. – Садитесь сами, или мы вас насильно в неё посадим, – недовольно ворчу на него. – Живо! Я вас ещё и накормлю вкусным обедом.

– Да я грязный, – произносит он с неловкостью и смущением. – А у тебя машина вон какая. Красивая. Чистая.

– Химчистка есть, – бросаю ему. – Садитесь.

– Ну ладно, – всё же сдаётся, но перед тем, как всё же сесть, расстилает на сиденье газетку, которая в одном из карманов плаща была. Газетку-рекламу из магазина, в котором я только что была.

Передаю дедушке бумажный пакет с успокоительным, прося положить в сторону, и закрываю за ним дверь. После чего подхожу к настороженной Саре.

– Идём! – кидаю ей. – Полиция точно не за тобой.

– Он же бомж, – шепчет она мне, указывая на дедушку.

– И что? Не человек? – хмыкаю, разведя руками. – Включим вентиляцию воздуха на максимум и всё. А потом в химчистку машину отвезу. Проблем-то! А вдруг у него перелом? Не дай бог!

– Блин! – чертыхается она ещё. – Ну что такое сегодня со мной?

– Сегодня? – с сомнением переспрашиваю. – По-моему, неприятность – это твоё второе имя, Сара. Пошли! При переломе нельзя долго тянуть. Там бывают последствия. Не мне тебе объяснять! Это у тебя папа врач.

– Хорошо, – кивает и в одну секунду оказывается в салоне.

Благо это небольшое происшествие её успокаивает. Она больше не плачется о том, что её отчислят. Наоборот, всю дорогу разговаривает с мужчиной и спрашивает его о том, что у него болит, как болит и не усиливается ли. Наконец-то передо мной дочь врача, а не «тридцать три несчастья и те-

лежка вдогонку».

Не было бы счастья, да несчастье помогло.

До больницы, в которой работает отец Сары, доезжаем быстро. Там звоним дяде Диме и просим принять нас вне очереди. Коротко описываем произошедшее около магазина, но заменяем главное лицо с подруги на моё.

Дмитрий Александрович, забрав пострадавшего, уходит осматривать его, а мы с Сарой остаёмся в ожидании диагноза. Всё это время подруга молчит и смотрит на телефон, ожидая, что позвонят с деканата и сообщат об отчислении. Или из полиции. Но мне врёт, говоря, что просто время засекает.

– Девочки, – наконец отец Сары появляется в приёмном покое и подходит ко мне. – В общем, вывих запястья у него. Не страшно. Уже занимаются этим. А вот бедро бедовое.

– Что там? – сразу же спрашиваю, нахмурившись и готовясь к худшему.

– У него там... – поджимает губы, пытаюсь для нас всё на русский и понятный простым смертным язык перевести. – У него протез тазобедренного сустава. И что-то мне не нравится то, что снимки показывают. Вроде бы и на месте всё, но что-то... Не знаю я. Надо это дело посмотреть глубже.

– Ну так посмотрите, – не понимаю, о чём он.

– Чтобы посмотреть, надо, чтобы он у нас лежал, – понижает голос и отводит нас в сторону. – А я сделать этого никак не могу. Ещё на сутки я его здесь смогу задержать и договориться с начальством, но этого времени будет мало. Платное

лечение он не потянет, а на бесплатное у нас очередь. И у этого мужчины нет страховки и паспорта. Можно, конечно, пойти в государственную больницу, но никто его не примет без документов.

– А от удара у него с протезом такое могло произойти? Мог протез от этого повредиться?

– Думаю, удар тут ни при чём, – задумчиво начинает. – Просто усилил эффект. От ДТП у него только вывих, по сути.

Можно, конечно, так и оставить человека. Последствия аварии мы минимизировали, но, чёрт возьми! Совесть не позволяет. Не такому меня папа и Зинаида учили.

– Осмотрите его, Дмитрий Александрович, – решительно прошу. – Я всё оплачу. И дополнительно отблагодарю, если медсёстры его помогут, подстригут и приведут в порядок. Мы с Сарой сейчас пойдём, во что ему переодеться, купим, чтобы он ничем не отличался от ваших пациентов.

– Ты решила ему помочь? – удивлённо задаёт вопрос Сара.

– Ну да, – пожимаю плечами. – Он такой же человек, как и мы. Просто невезучий, как ты. Оттого, что я немного потрачу папиных денег на благое дело, с нас не убудет. Наоборот, плюсики в карму, и я сама буду довольна собой.

– То есть я зачисляю его? – уточняет Дмитрий Александрович. – Я ещё скидку свою медицинскую проведу, и сумма выйдет не очень большой. Вести буду его сам и... кое-где да

сэкономим.

– Зачисляйте, – достаю свой паспорт и отдаю его ему. – Мы потом к вам в кабинет поднимемся, дядь Дима. Вещи купим и придём.

– Я пока оформлю всё, – кидает и уходит с моим паспортом.

Мы же с Сарой выходим из клиники и идём искать магазин мужской одежды. Район здесь вообще не такой, чтобы кишел бутиками.

– Ничего нет, – объявляю ей.

– Есть. Тут за углом, – тянет куда-то в сторону. – Называется «Смешные суммы».

– Это что за магазин? Никогда не слышала... – подозрительно кошусь на неё. А вдруг это не магазин, и сейчас, с «удачей» Сары, мы кредит возьмём в этих суммах.

– Магазин одежды для простых смертных, – закатывает она глаза. – Здесь одеваются те, кто не может себе позволить привычные и знакомые тебе бренды или даже обычные магазины в торговых центрах.

– И там можно найти? И футболки? И штаны? И даже нижнее бельё?

– Пффф! Даже чехол на твой телефон, заколочки всякие и постельное бельё!

– Ладно...

– Но давай договоримся: за всё плачу я! Ты и так меня от папы спасла. И это моя вина, что дедушка теперь в больнице.

И я тоже хочу плюстик в карму.

– Там договоримся, – взмахнув рукой, произношу и позволяю себя увести.

В магазине изучаю ассортимент. И хоть качество здесь не из лучших и фасоны не те, что я привыкла видеть на мужчинах, всё же мы с Сарой покупаем дедушке приличное количество одежды. Этого должно хватить, чтобы он в больнице не чувствовал себя не таким.

Да и сумма выходит смешной. Правда смешной. Как цена за четверть моего пиджака.

Глава 8

Вадим

– Где вы, чёрт возьми, были?! Прохлаждались, пока моего брата калечили?! – рычу в трубку, сжимая её до такой степени, что в какой-то момент она издаёт жалобный скрип. – Сотрясение мозга! Перелом малоберцовой кости! И всё в стенах академии! На кой чёрт я вам деньги плачу, если вы уследить ни за кем не можете? За что вы зарплату получаете?!

– Вадим Данилович, – сглатывает охранник на том конце провода. – Так вышло! Мы же не знали! Мы думали – пары, церемония!

– Запись почему не велась? Должна была быть запись! – ударяю по шкафу от злости.

– Так они уже неделю не работают, – мнётся мужчина. – Вы же знаете! А мастер только сейчас прибыл. Чинит.

– Бездари, – кидаю им и отключаюсь, чтобы не разозлить-

ся ещё больше и не поувольнять всех.

Оборачиваюсь к лежащему на больничной койке младшему брату, который, в отличие от меня, спокоен и расслаблен. Ну конечно, это не его мама несколько часов по телефону отчитывала за то, что я за её сыночком не усмотрел.

Оглядываю Егора с головы до сломанной ноги и сжимаю губы от желания придушить гадин, что сделали это с ним. То, что это сделали две девушки, мы с врачом у бригады скорой узнали. Егор бред нёс и болтал от препаратов без остановки.

– Обезболивающее попросить? – спрашиваю, присев на стул.

– Я что, не мужик? – хмыкает от собственных слов. – Потерплю, – но поймав мой вопросительный и настойчивый взгляд, сдаётся. – Но вообще, мне уже вкололи. Медсестричка обещала зайти часа через два ещё раз.

– Найду этих гадин и лично им шеи сверну! – рычу на его ногу. – И ноги переломаяю им! Сразу две!

– Да брось их, – кидает хохотнув. – А по мне весело! Необычное приключение! Мне ещё бабы никогда ноги не ломали. И не били. Они просто любительницы кое-чего пожётче. У всех свои вкусы, – хмыкает и начинает смеяться.

– Нет! Я их найду.

– Ну, найдёшь, и что? Покалечить ты их не покалечишь. Кодекс чести не позволит, – издевается надо мной. Что он, что средний, Влад, мою сдержанность обзывают «кодексом чести». Идиоты!

– Жизнь им испорчу! – бросаю Егору. – Основательно!

– Пффф! Конечно! – прыскает, не веря в мои угрозы. –

Тем, что вход в академию запретишь и посадишь? Ну не знаю. Хрень по мне, Вадим. Оставь их! Молодые дуры, блин! Сами, небось, сейчас трясутся от страха, что убили меня. Весь интернет шерстят, проверяя информацию.

– Они должны ответить за то, что сделали!

– Дурость! – произносит по слогам. – Себя молодым вспомни! И как от родителей сбежал через окно, вспомни. Как палец себе раскромсал, – напоминает про мои восемнадцать. – А потом ещё и обновил шрам, когда от девушки из клуба уходил. Вспоминай! Чего тогда не взял на себя ответственность за девчонку? Переспал ведь, а она невинной была! Чего не женился на ней? А?

Взгляд сам по себе опускается на шрам. Ужасный, чертяка, но убирать его с руки не хочу. Пусть и дальше мне напоминает, что не всегда мой «кодекс чести» работает. Что и девушку могу без причины бросить. И сбежать, лишив девушку невинности.

Я просто хотел попрощаться с ней. Погладить по щеке, а в итоге зацепился за грёбаную серёжку.

– Заткнись! – шиплю на младшего бестолкового братца. – Девчонка сама на меня запрыгнула тогда. Я не просил её дарить мне свою первую ночь. И не должен нести ответственность.

– Да какая разница?! – восклицает Егор в ответ. – Я и

следаку сказал, что заявление писать не буду! И вообще, я их прощаю! Никаких претензий не имею!

– Я всё равно их найду, – не унимаюсь. – Имена скажи! Обещаю, что не трону их. Просто поговорю и отчислю.

– Не сможешь, – раздражённо вздыхает, но, наконец, идёт на уступки. – Они не учатся у нас. Пришли с подругой. Имена... То ли Аня и Таня. То ли Маша и Даша... Не помню я! Созвучное что-то. И русское. Да и, блин, я сам виноват! Ты же знаешь, как я давно хотел близняшек попробовать! А здесь две высокие фигуристые блондинки! Грех было не позариться!

О господи! У этого только девки, вечеринки и тачки в голове! И когда уже повзрослеет?

– Идиот! – «хваляю» его и, развернувшись, собираюсь выйти из палаты и поговорить с врачом Егора. С Дмитрием Александровичем. Хороший мужчина. Не первый год у него наблюдаемся все. Он вообще хирург, но у нашей семьи ещё и семейным врачом подрабатывает. И дочь его у нас учится в академии. Мы ей дополнительное бюджетное место в своё время предоставили.

– Если найдёшь их, то номерок для меня возьми, – просит меня младший брат, кинув в спину свой запрос. – Я бы продолжил наше общение и принял их извинения. В горизонтальном положении, – кидает мне в спину.

– Лечись, Егор! – кидаю ему, обернувшись. – Мама обещала к вечеру приехать и привезти тебе всё необходимое.

Сейчас всё по списку собирает и твой любимый морковный пирог печёт.

– А отец?

– Расстроен, – пожимаю плечами, не понимая поведения отца. Он ведь недалеко от академии был, когда всё случилось, но не вернулся, чтобы сына младшего поддержать. – Что-то там про планы на тебя говорил. Но я не понял ничего! В общем, как остынет, так и приедет. А к тебе уже завтра в обед загляну, – отвечаю на его вопрос. – Надо придумать, что делать с твоим графиком. Лекции ведь назначены. Студенты ждут.

– Ну ты Влада попроси, – хмыкает, словно я проблему из ничего делаю. – Пусть вспомнит былое.

Если бы всё было так просто? Уговорить его – то же самое, что заставить мартышку молиться. Сделать можно, но смысла не будет.

Глава 9

Вадим

На следующий день утром звоню Владу и прошу приехать. Долго думал, как выкрутится и не отменять, потому что знаю, что брат не согласится, но другого выхода нет.

Хотя бы на время, но мне нужно, чтобы Влад вернулся к своим бывшим обязанностям. Когда-то он уже занимал должность декана, но после давления отца ушёл в офлайн. Помогает теперь академии издали пиаром, продвижением, рекламой и другими различными вещами, но напрямую

лезть в управление не хочет. Брата всегда душил контроль, особенно отцовский. После его ухода из академии, Егор как раз и стал деканом.

– Даже не начинай, – тянет Влад, сразу же после того, как я говорю ему о том, что у Егора пары запланированы и заменить неким, а сам младший братец в больничке отдыхает. – Не думай об этом! Не проводи параллель между мной и парами Егора. Не надо! Давай не будем портить друг другу настроение.

– У меня нет выбора, Влад! – произношу спокойным и размеренным тоном. Надеюсь так у меня получится повлиять на свободолюбивого брата близнеца. – Свободных преподавателей с музыкальным, а тем более хореографическим образованием у меня нет!

– Ну так сам пойдёшь!

– У меня свои пары есть! Плюс я ещё детскую школу на себя взял и сейчас отбор в классы провожу! Мне сейчас, как никогда нужна твоя помощь.

– Нет, Вадим! Не-е-ет!

– Влад, не забывай, что это и твоя академия тоже. Я не могу всё за нас двоих решать – рычит на упрямец, надеюсь, что хоть грозный рык, которым работает у отца, мне поможет, но нет. Брат лишь отсаживается подальше от меня.

Но он не учёл того, что я отступить не намерен. Выпотрошу его душу, но он сделает то, что нужно мне.

Мне нужен новый декан и он им станет!

Заставляю его подняться на ноги и вывожу из своего кабинета, напрямиком в аудиторию, где у него уже скоро должна начаться лекция. И плевать мне, что он об этом думает. Сейчас потребности академии важнее его личных.

Помня его стиль преподавания, знаю, что потом меня ждёт нытьё о том, что всё вокруг бездари, неучи и вопросы, где я их понабрал. Да и студенты будут вешаться.

Но это всё на время! Потом я обязательно найду нормальную замену! Уже завтра займусь поисками. А пока пусть Влад работает на благо семьи.

Но по дороге, не упускаю возможности поговорить с братом, о важных проблемах, которые нависли над нашими с ним головами.

– Ещё и отец давит со своими наследниками. Ты же знаешь, что я не могу, – злюсь на ситуацию и на блондинок, которые Егора из игры вывели. Так хоть он мог ситуацию спасти, а что он сейчас из больнички сделает?

Хотя зная его, может и медсестричку какую-нибудь осчастливить. Но не с сотрясением.

Чёртовы блондинки! Ненавижу теперь этот цвет волос!

– Какие к чёрту дети, Вадим? – восклицает брат, скривившись и в этот момент став жутко похожим на меня. Или я на него.

Мы так и не определили, кто именно из нас старший. Мама сама нас в детстве путала. И даже она с вероятностью в девяносто семь процентов не скажет кто есть кто. И кто по-

явился на свет первым.

– Наши с тобой, брат, – отвечаю ему с натянутой улыбкой. – Отец ясно дал понять, или наследники, или мы остаёмся ни с чем.

– Может остынет и забудет? Где я, а где дети? – резонно отмечает этот чертяга, который даже цветок мой за день угрохал. – Да и тебе пора уже открыться родителям и рассказать о себе.

Ни за что! Никогда!

– Слушай! – останавливает меня посреди коридора, загоревшись от неожиданной идеи. – Может нам сказать отцу, что у нас с тобой это генетическое. Мы же близнецы. Вот у обоих проблемы с продолжением рода. Тогда и ты, и я в шоколаде.

Это уж тем более. Если отец узнает о моей проблеме, то это конец всему! Мне, моей жизни, моей академии, на которую я почти всю свою жизнь потратил. И моему будущему тоже.

Буду скрываться до последнего, а там что-нибудь придумаю. Найму суррогатную мать, которая выносит якобы моего ребёнка. В идеале попросить Влада стать отцом ребёнка, тогда в случае ДНК-теста у отца не возникнет вопросов.

Убедившись, что Влад не сбежит с пар в самом её начале, разворачиваюсь и ухожу к себе.

У меня через пять минут назначена встреча с начальником безопасности по делу Егора. И пусть младший брат не

хочет наказывать девушек, я хочу.

– Единственный вариант при развитии такого сюжета просмотреть записи с видеорегистраторов, – деловито предлагает мужчина, пожав плечами. – Я видел у вас парковку и у многих видеорегистраторы. И записи с телефонов студентов.

– Что мне нужно для этого?

– Запросить записи, – отвечает, разведя руками. – Может начнём с вашей машины? От неё будет отталкиваться?

– Отлично! Пойдёмте?

Ну берегитесь, девочки! Я вам устрою!

За все ответите!

Я обязательно вас найду!

Глава 10

Милена

– Здравствуй, – вхожу в палату Егора Громова, тут же приветствуя его и оповещая о своём приходе.

По дороге сюда я примерно представляла, какой будет его реакция на мой приход. Крики. Мольбы о том, чтобы я ушла. В общем, как в самых дешёвых комедиях. Но реальность меня слегка удивляет.

– Здравствуй, – тянет он в ответ, отложив планшет в сторону и улыбнувшись. – Какая неожиданная гостья в моей палате сегодня! Рад видеть тебя, разбойница.

– Я по делу, – кидаю и сажусь на стул рядом с его кроватью. Делаю это без его разрешения, потому что без того, зачем я сюда пришла, я не уйду. Пусть даже не надеется.

– Извиниться, что оставили меня одного умирать?

– Умирать ты точно не собирался, – одариваю его улыбкой. – Я слышала твой разговор с отцом насчёт наследника, – бесстыдно признаюсь и закидываю ногу на ногу, что не укрывается от внимания Громова. И этот ловелас, даже с перебинтованной головой, решает заглянуть и узнать, что у меня под юбкой.

– М-м-м, так вот почему меня огрели! – привлекаю его взгляд вновь к моему лицу. – Сара спасала твою матку от моего чада? Ты, небось, решила, что блондинка в том разговоре ты? Ты слишком высокого мнения о себе, Милена. Заводить бейбика от девчонки, которую я не знаю? Я, по-твоему, настолько безответственный?

– Ну... – складываю губы бантиком, задумчиво. – Хм-м... Да, я так и решила.

– Нет уж, извини! У меня другая блондинка на примете. И куда более безопасный вариант. Без сумасшедших подруг.

– Ну прости, – хмыкаю, улыбнувшись. – В общем, у меня к тебе деловое предложение, – заявляю и открываю сумочку, доставая из неё увесистую пачку евровых купюр.

– Хочешь откупиться?

– Хочу за эти деньги купить у тебя расписку о том, что не будешь заявлять на меня и мою подругу, – иначе формулирую свой вклад в наше с Сарой будущее. Его определение мне вовсе не нравится.

– И ты думаешь...

– Я слышала весь разговор. Отец заблокировал твои счета и забрал у тебя машину. Здесь несколько тысяч евро, – указываю на пачку. – После выздоровления я ещё заплачу тебе такую же сумму.

– За что?

– На реабилитацию, – посылаю ему улыбку. – Я хочу продолжить своё обучение в академии, и Сара тоже. За эти деньги ты просто забудешь о том, что случилось. И никогда не будешь связывать нас со своими травмами.

– Просто расписку написать? – задаёт вопрос, хитро блеснув глазами.

Что-то мне его взгляд не нравится. Обмануть меня решил или что-то иное придумал? Чувствую подвох, но уловить его не могу.

– Да, – киваю, вопреки собственным мыслям. – За дверью нотариус, и он заверит расписку.

– Ты так подготовилась?

– Вынужденные меры, – пожимаю плечами, так и мечтая ему сказать: шах и мат!

– И откуда у тебя такие деньги, Милена? – неожиданно спрашивает, сбивая с толку своим вопросом. – Я знаю, что у нас в академии небедные люди учатся, не считая тех, кто на бюджете. Но... это огромная сумма, – указывает на деньги, которые я ему принесла. – Богатые родители? Или любовник? Мужа у тебя нет, – по его лицу расплывается довольная улыбка. – Да-да, я влез в базу и прочитал твою анкету. Так

что? Родители или любовник?

– Ни одни, ни вторые, – бросаю, понимая, что могу так спалиться. Моя фамилия на слуху из-за папы. И это чудо, что Егор не додумался связать нас. – На квартиру копила. Но придётся временно отказаться.

– Долго копила.

– С самого рождения.

– Зови своего нотариуса, – произносит и я, встав, открываю дверь другу отца, которому рассказала о случившемся втайне от папы, и тот согласился помочь. Даже подсказал, что делать.

В палате дядя Кирилл помогает Егору Даниловичу написать и изложить всё чётко и без подводных камней в нашу с Сарой сторону. Подсказывает, что именно сказать и как правильно сформулировать.

После они оставляют свои подписи, и дядя Кирилл, взяв один из экземпляров, уходит, оставляя меня наедине с большим человеком, к травмам которого я теперь официально не имею никакого отношения.

– Деньги, – протягиваю Егору, напоминая о своей части сделки.

– Мне неинтересны деньги в таком положении, – указывает на свою ногу в гипсе.

– И что ты хочешь?

– Мне нужна компания и сиделка, – произносит, хитро и довольно хмыляясь. – Будете с Сарой приходиться по очере-

ди и приглядывать за мной. Веселить меня. Рассказывать о себе. Скучно здесь, – обводит рукой палату. – А этот планшет мне дали для того, чтобы я туда все свои дела внёс. Вадим их на Влада переложил. Вечером уже заберут. Телефон нельзя, ноутбук нельзя, планшет нельзя. Буду, значит, как в древности, развлекать себя женщинами.

– Ты серьёзно? – переспрашиваю, сомневаясь в его адекватности. Может быть, Сара всё же приложила его больше, чем я думаю? И там крыша... потекла?

– Да!

– Просто приходить к тебе? – уточняю, вздёрнув бровь.

– Да, но после пар, – уверенно отвечает. – Не хочу, чтобы вы пропускали учёбу. Вы вообще эти два дня были на парах?

– Нет, – мотаю головой. – Сара боялась. И мы решили...

– Дуры! – перебивает меня. – Отрабатывать придётся! А препода у нас жёсткие, если их любые лекции пропустить. Ух вы! Ну ладно! Всего один раз вас выручу и навру им. Скажу, что вы по моим поручениям ездили. Но чтобы больше мне не пропускали. Ясно?! – рывкает, и я даже пугаюсь такого Егора Даниловича.

– Но как мы...

– Да не сдал я вас, – вздыхает раздражённо и недовольно. – Я что, дурак, чтобы упускать возможность над вами поиздеваться?

– Поиздеваться?

– Я пока здесь лежал, придумал план, как буду вам мстить.

Заставлю работать на себя. Будете мне кофе носить. Рабами моими станете. И в больнице, и в академии. Думал, как бы это всё проверить, а здесь ты со своим сказочным предложением.

– Мы тебя покалечили, а ты думаешь лишь о том, что тебе здесь скучно? – недоумеваю от его поведения.

Ну точно, Сара не пожалела, когда била.

– Есть немного, – лениво растягивает. – Я вот помню, как меня по голове треснули, а вот ногу... Вы реально мне швейную машинку на ногу кинули?

– Сара случайно.

– Ах, Сара, – тянет он. – Как я не догадался! Главный убыток нашей академии! Сколько стульев и парт списано из-за этой особы. Удивляюсь, как ещё Вадим не придумал причину отчислить её. Всё же, думаю, из-за отца. Тот тоже нам привилегии всякие дарит.

– Да... – вздыхаю. – А ты, вообще, уверен, что хочешь, чтобы Сара за тобой приглядывала? Не боишься, что она тебя ещё больше покалечит?

– Как-нибудь разберусь! Но с ней хоть весело! Она как что-то вытворит, так потом неделю вспоминаешь с улыбкой. Навсегда запомню, как она проверяющую из женского туалета выперла, решив, что это мужчина. А то была женщина. И как метлой эту женщину гнала. Но особо лицо брата запомнилось. Злое. Ох, времена! Но вообще... реально проверяющая на мужика была похожа.

– Ну... тебе решать, – отвечаю, мысленно сочувствуя ему. – Но я не всегда смогу. У меня дочь и няня ушла недавно.

– Дочь доконала няню?

– Нет, – мотаю головой. – Алёна у меня настоящая принцесса. Няня от неё в восторге была. Но Зинаида уже по своему состоянию здоровья и возрасту не справлялась. Семьдесят лет, как-никак.

– Ну, будешь менять подругу, как сможешь, – разрешает «барин», и я окидываю его насмешливым взглядом. – Ну, или с малой приходи.

– Она тебе ногти покрасит и кудри завьёт. Ты уверен?

– Кудри? Ногти? Хм-м... Поменять имидж? А что... Сотрясение мозга было? Было! Если приду покрашенным, никто не удивится.

Глава 11

Вадим

Закончив со всеми делами в академии, захожу в магазин. Покупаю Егору фруктов в больницу и любимые им ватрушки. И со всей этой ношей отправляюсь в клинику.

Приветствую медсестёр на посту, которые меня здесь как облупленного знают, и поднимаюсь на лифте на этаж брата. Иду вдоль коридора на пути к нужной палате, когда посреди огромного пустого коридора вижу ребёнка. Маленькую одинокую девочку во взрослом отделении.

Откуда здесь ребёнок? Их не пускают сюда. Мне сам

Дмитрий Александрович говорил, что детей не пускают, чтобы они не шумели и не причиняли дискомфорт пациентам.

Проходя мимо малышки, невольно разглядываю девочку лет четырёх-пяти, а может, даже трёх лет. Не очень я в этом разбираюсь. Да и дети сейчас пошли, что возраст не определить.

Светло русый волос, почти белый. Огромные голубые глаза. Милые пухлые щёчки. Маленькие, изящные для ребёнка ручки. Длинные худые ножки. Одета в платьице и кофточку девочка расслабленно рисует в альбоме карандашами.

Приостанавливаю шаг, вглядываясь в её рисунок. Это уже профессиональное – искать таланты и смотреть на работы других.

– Не смотрите так, – заговаривает она, странно выделяя букву «Р», даже не поднимая головы. – Не готово ещё!

– Не готово? – переспрашиваю и, решив, что Егор немного ещё подождёт, прохожу и сажусь рядом с ней.

– Я только начала, – важно заявляет.

– Неплохо для начала.

– Это будет лес с животными, – посвящает меня в свои тайны и немного разворачивает картинку, чтобы показать. – Вот уже одно деревце. И белочка, – указывает аккуратным пальчиком на животное, которое и правда похоже на белку.

– У тебя хорошо получается.

– Меня мама научила рисовать белочку, – произносит и начинает улыбаться. – И зайчика, – листает альбом до нуж-

ного рисунка. – Красивый? Но у мамы всё равно лучше получается. Я пытаюсь-пытаюсь, но пока не выходит. Но я смогу!

– Очень красиво! У тебя талант!

– Знаю, – кидает со вздохом. – Я, когда вырасту, стану, как мама, художницей. Буду учиться и буду самой-самой крутой! – наконец поднимает на меня взгляд и одаривает такой улыбкой, от которой сам улыбаться начинаешь. Вид на маленькое, миленькое личико завораживает. Невозможно взгляд отвести от этой будущей красотки, от которой у мужчин голову сносить будет.

– А можно альбом твой посмотреть? – прошу её, протянув руку к рисункам.

– Конечно, смотри, – спокойно отдаёт мне свои наработки. – Я могу тебе даже подарить зайчика. Я всем дарю рисунки, кто мне нравится. А ты мне нравишься. Ты как мой дедушка. Добрый и красивый, – произносит, довольно хохотнув.

Листаю альбом и понимаю, что девочка невероятно талантлива. Я бы сказал, что такое даже невозможно, но я сам видел, что это именно её рисунки. Именно из-под её карандашей выходило это всё.

У малышки даже не талант! Она словно с карандашами в руках родилась. Разве такое бывает? У детей из моей детской художественной школы и четверти таланта этой девчонки нет. Нет!

И теперь я хочу её себе! Хочу стать частью её пути к славе!

Видеть, как из неё получится просто... звезда!

– А тебя не учили, что с незнакомыми разговаривать нельзя? – спрашиваю её между делом.

– А я вас не боюсь. Меня никто не даст похитить и обидеть. Медсестра на посту знает, что я тут. А дедушка Дима вон в той палате, – указывает на дверь напротив. – Я бы с ним пошла, как в остальные палаты. Конфетки бы собрала, – открывает кармашек и показывает свои поборы. – Но в этой палате дядя, и ему укол сейчас делать будут. А я такое не люблю. Фе, – морщит носик.

– Дедушка Дима? – переспрашиваю.

– Да. Он врач здесь. Лечит людей, – по-прежнему выделяет «Р», словно только научилась её выговаривать.

– Хм-м... – задумчиво тяну. – Дмитрий Александрович?

– Не знаю. Он папа тётки Сары, – пожимает плечиками. – И мне сказал его дедушкой Димой называть. Он меня всегда лечит, и я его даже не боюсь. Ни разу не плакала, когда он мне горлышко смотрел, – болтает, по-детски рассуждая и хвастаясь.

– Ясно, – бросаю. – Значит, ты здесь с дедушкой Димой.

– Ага.

– А мама?

– А мама пошла по делам. Здесь, в больнице, дела у неё. Поэтому я с дедушкой Димой. Он всегда меня берёт к себе. И даже разрешает молоточком по его коленке стучать.

– Хм-м, – тяну. – Значит, вот, – залезаю рукой в карман и

достаю оттуда визитку. – Вот, отдашь своей маме. Скажешь, чтобы позвонила сюда. Это детская художественная школа, где я преподаю. Она позвонит, и я тебя буду учить рисовать ещё лучше. Хорошо?

– Зачем?

– Ну... будешь потом самой-самой крутой, – повторяю её слова.

– Надо по номеру позвонить? И я буду крутой?

– Да!

– Хорошо! Я позвоню вам, дядя! Как только у меня будет время, я наберу вас, и мы договоримся о встрече, – деловито произносит и встаёт, увидев, как дверь палаты напротив открывается. – Рада была встречи и нашему сотрудничеству!

Эм-м... Что? Мне сейчас ребёнок ответил, как какой-то бизнесмен? Где только фраз таких нахваталась?

– Вадим Данилович, – тянет Дмитрий Александрович. – Вы к брату?

– Да, – киваю и указываю ему на малышку у его ног. – Но встретил это юное дарование и остановился. Не смог пройти мимо такой прелести.

– Я ему рисунки свои показывала, и он сказал, что я должна позвонить по этому номеру, и он будет меня учить. А потом я самой крутой стану, – рассказывает ему девочка.

– Ты уже очень крутая, Алёна, – гладит малышку по голове мужчина. – Иди в мой кабинет. Жди меня там. Будем с тобой чай пить с вафлями.

– Хорошо, дедушка, – отзывается и, схватив пенал, убеждает.

– Извините, Вадим, – заговаривает Дмитрий Александрович, когда Алёна скрывается в его кабинете. – Не с кем было оставить. Крестница моей Сары. Но девочка тихая. Никакого шума от неё. Вечно рисует, и всё.

– Только пациентов на конфеты раскручивает, – кидаю с улыбкой.

– Ну, это они сами, – защищает девочку, но тоже не может сдержаться улыбки. – Ладно, я пойду. А то без меня сейчас все вафли съест, а мне потом отчитывайся перед её мамой, почему она обедать не хочет.

– Дмитрий Александрович, а что насчёт выписки Егора? – останавливаю его. – Вы говорили, что можно будет его и на домашнее лечение перевести.

– Если найдёте сиделку, то могу в конце недели перевести.

– Найду.

– Тогда договорились!

Глава 12

Милена

– Мам, мам! – тянет меня Алёна за руку, прыгая рядом со мной. – А ты все дела решила? – интересуется, полная бодрости. Сама же она Дмитрия Александровича, отца Сары, замучила так, что у него даже голова разболелась.

Так-то малышка у меня спокойная, но болтушка и тарактелка ещё та.

– Почти, – бросаю ей, продолжая вести её по коридору. – Одно мы с тобой сейчас вместе сделаем.

– Да? Вместе? – довольно спрашивает. – А что будем делать?

– Навестим одного дядю, – останавливаюсь около палаты мужчины, которого Сара сбила. – Веди себя прилично! Он болеет, и ему нужна тишина.

– Хорошо, – сдаётся. – А ему можно мои рисунки показать? Я одному дяде уже показала, и он сказал, что я молодец! Рассматривал мои рисунки и хвалил.

– Можно, – киваю и пропускаю дочь в палату первой, после захожу сама и закрываю дверь. – Добрый день, – приветствую жертву аварии.

– Добрый день, – повторяет за мной Алёна и срывается: – А хотите мои рисунки посмотреть? – подбегает с альбомом и раскрывает его на кровати мужчины.

У Алёнки никогда терпения не хватает, чтобы дождаться нужного момента. Если она что-то наметила, то получит это прямо сейчас, иначе никак и никогда. Дурацкая черта характера. Думаю, она в отца такая. Тот тоже, когда заметил, даже заплатить был готов за ночь со мной.

– Показывай, – мнётся мужчина, которого постригли, побрили, помыли и сделали из него «человека». Сейчас он ничем не отличается от обычного старичка, который лежит в больнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.